

За разнообразием смыслов слова «конверсия» сегодня вновь становится возможно углядеть новые горизонты трансформации деятельности, в т. ч. – архитектурной и проектировочной, но для этого необходимо очистить слово от привнесенных смыслов и постичь его глубину. Разделяя высказанное Константином Лидиным видение ожидаемой трансформации архитектурной профессии в сторону сбережения социально-экологических и культурно-экологических ценностей, автор предлагает обсудить границы и возможности такой трансформации. Ключевые слова: конверсия проектирования; архитектурная профессия; проектная инноватика; границы проектирования, культурно-экологические ценности; среда. /

In the diversity of meanings of the word 'conversion' one can notice new horizons of transformation of the activity, including architectural and design activity. To do this, it is necessary to clear the word of additional meanings and to comprehend its depth. While sharing Konstantin Lidin's idea of the expected transformation of the architectural profession towards preservation of social-economic and cultural-environmental values, the author offers to discuss the boundaries and possibilities of this transformation.

Keywords: conversion of design; architectural profession; project innovation theory; boundaries of design; cultural-environmental values; environment.

Конверсия проектирования / Conversion of Design

текст
Петр Капустин /
text
Petr Kapustin

Категория

Смыслы «конверсии» стали в нашей стране если не печальны, то одиозны. Конверсия, благодаря недомыслию и ошибкам 90-х, стала ассоциироваться с отступлением в притязаниях, с навязанной толерантностью, со смехотворными сквородками от стратегических заводов. Кого в том винить – тема другая, мы сейчас не об этом. Нам важнее теперь схватить упущенное в те годы, поймать ускользнувшие смыслы или хотя бы их слабую тень. Поскольку, кажется, основное тогда прошло мимо, не задело, не легло не токмо в арсеналы, но и в анналы рефлексированного опыта.

Латинское *conversio* суть «обращение», «превращение», а также вполне банальное «изменение», учит нас всезнающая Википедия. Однако согласиться с сужением смысла довольно крутого термина до банального «изменения» не позволяет кураж, который нам пришлось оплатить из своего кармана: конверсия не имеет права быть простой модификацией, синонимом сведения. Как угодно, но именно в России и именно в наши дни термин «конверсия» оплачен достаточно, чтобы покончить со всякой невинностью и наивностью.

«Конверсия – в психологии защитный механизм психики, проявляющийся в тенденции переживать соматический дистресс в ответ на психологический стресс», – продолжает наставлять нас Википедия, и она права в своем латентном критицизме: конверсия давно стала у нас фигурой самоуспокоения. Конверсия стала для нас психопрактикой, позволяющей позитивно (т. е. безболезненно) переживать события ампутации нашей памяти, безопасности, мощи и самой надежды. Психологи сказали бы: переживать комплекс кастрации. Однако в этом ли состоит подлинный смысл конверсии как неотменного процесса эволюции? Не продолжаем ли мы тешить себя смыслами наносными, случайными, косвенными – паразитарными? Думается – да, продолжаем, не имея воли и силы мысли шагнуть в иное.

Конверсия, скорее, есть преобразование, и результаты ее непредсказуемы и неисповедимы, а базовые механизмы, можно полагать, имеют символическую, а не какую-нибудь иную природу. В ситуации конверсии мы вольно или невольно переходим в новую эпоху генезиса

деятельности. При всей вездесущности песен «за развитие» такой поворот оказывается достаточно неожиданным и нежелательным тем, кто привычно стрижет купоны со всяческих «изменений». Ведь его, этот поворот, они научились издали отслеживать и переводить в безопасное русло. Любимой фразой Томаса Мальдонадо была цитата Антонио Мачадо: «Чтобы не допустить изменений внутренней сути вещей, лучше всего постоянно изменять и улучшать их снаружи». Скепсис Мальдонадо понятен: ему требовался доступ к подлинным энергиям преобразования мира; но его-то он так и не смог получить (прежде всего – от проектирования, что не помешало проектированию сохранить свои амбиции и напористость).

Продолжим этимологические опыты. «Конверсия – в лингвистике способ словообразования, образование нового слова путем перехода основы в другую парадигму словоизменения», – уже более конструктивно вещает Википедия (отчего это лингвистика уже больше ста лет куда как более проектосообразна, нежели психология? А если вспомнить о «Грамматике Пор-Рояля» и локковском психологизме, то и больше трехсот!). «Versio» в европейских языках, включая эсперанто, разумеется, версия, множественность возможных путей, что уже ставит под вопрос единственность до сих пор по умолчанию подразумеваемой стратегии конверсии (как только экспеллиармус-стратегии («Экспеллиармус! (Expelliarmus)» – обезоруживающее заклинание в эпопее о Гарри Поттере). А вот с «Con» интересно: как наречие – это «против», как существительное – «жулик», «жульничество» (это-то мы знаем). Но более всего – обозначение модуса: *con brio* – с жаром, с огоньком, *con anima* – с воодушевлением и т. п. Так что, несмотря на врожденные опасности редукции, запечатленные в самом слове, *con versio* – это «с вариантами», импровизируя со множественностью различных идей; открытое к интерпретации, гибкое, фантазийное и не без лукавства. Конверсия – это призыв, слоган, а не наименование (анти)производственной операции.

Но что значит изменяться вариативно? Мало того, что изменение – базовый процесс сего дня, но требуется еще и диверсификация, организация многих и разных линий развертывания изменений. Такая установка, хотим мы или нет, радикально отличается от «перевода на дру-

^ Леду К.–Н. Глаз с отражением интерьера театра в Безансоне. Гравюра, ок. 1789. Символ рационалистической проектности: прожектор, бьющий «изнутри – наружу», артифицирующий весь окружающий мир

v Палимпсест Архимеда

гие рельсы» или от смены курса, «генеральной линии». Слово, на самом деле, учит нас быть внимательными к возможностям, к их ветвлению и обладать воображением в прокладке новых путей. И быть бдительными в отношении убогих плоских редуций, вроде произошедших с промышленностью России в 1990-е годы.

События 1990-х придали слову устойчивый привкус детанта – промышленного разоружения, снятия военных целей и перевода мощностей в безопасное (непонятно для кого) русло. Для архитектурной деятельности также не мешало бы сделать что-то подобное, однако это могло бы быть задачей 20–30 лет назад; за прошедшие годы разнообразие форм практики и практикуемых содержаний заметно возросло, что, по-видимому, несколько притупило ощущение проблемы. Ведь если модернизм в самом деле был эпохой милитаризации деятельности (отнодье не только в СССР, а по всему миру), то и случившаяся в конце XX столетия «конверсия» отнюдь не преодолела этот глобальный тренд. Его удалось лишь немного разбавить за счет сдвига фокуса внимания в сторону таких принципиально немилитарных тем, как среда, ценность, экзистенция или, например, место (если оно не совпадает с локацией долговременной огневой точки). Но ничто не мешало и не мешает провести всеобщую мобилизацию экзистенций, сред и мест в любой назначенный момент. И это проблема. Профессия, кажется, лишь временно отправляет гуманитарные и гуманистические нужды; по зову горна она опять начнет вдохновенно строить «машины для жилья» и для убийства, для власти (любой) и ее разнообразных экспликаций. «Конверсия», сведенная к переводу рельс, оставляет за собой запасные пути и бронепоезда на них. Вероятно, это неустранимо и даже неизбежно; в конце концов, среди многих параллельных версий деятельности найдется место и такой. Во всяком случае, сегодня актуальнее и гораздо ближе обновляемому пониманию конверсии уже не прямая демилитаризация профессии, а ее гуманитарное расширение. Но может ли такая конверсия состояться в качестве очередной спущенной «вниз» властной инициативы (как это, кажется, начинает происходить с «городской средой»)?

Тренд

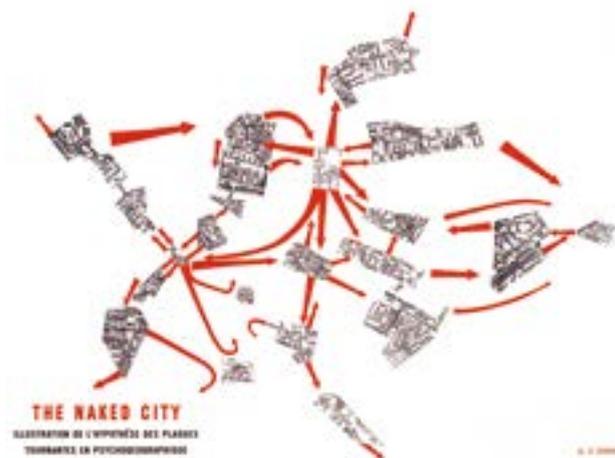
Что вообще происходит с профессией, когда она оказывается в русле санкционированных свыше «изменений»? Особенно если это не «оптимизация», с которой тоже далеко не все понятно: в чьих интересах она осуществляется (общества ли?) и на каких параметрах оптимальности зиждется, на каких «кóзлах» (Gestell) устанавливается, как грубовато, по-швабски, выражался Мартин Хайдеггер? А вот именно изменений тотальных, революционных, сметающих как неприемлемые паллиативы всякую систему параметров и критериев? Разумеется, такое происходит не часто. К счастью. Но уввы, гораздо чаще, чем хотелось бы: история архитектуры XX века в СССР не просто полнится такими событиями, она состоит из их.

Происходит, судя по уже знакомому нам, следующее: совокупность возможных способов существования деятельности резко и насильственно ограничивается крайне небольшим, по сути – одним способом, путем, руслом. Не то чтобы этот путь был уже в составе деятельности изначально; как правило, он создается искусственно (и опять же насильственно) как единственно допустимая и доступная линия – генеральная линия. Для этого конструируются (другого же пути нет!) соответствующие методы и средства, новая норма.

Закрепившись, новая норма диктует свои правила. Теперь уже нет Иного, как сказал бы Жан Бодрийяр, есть лишь протяженная пустыня Тождественного. Мы присутствуем на очередном спектакле подлога: место многих конкурирующих возможностей заняла скудная вариация действительности. Централизованные трансформации всегда и неизбежно ведут к центрации внимания на чем-то одном и опустошению всего остального. В этом «остальном» уже потом приходится заново отыскивать живое, ресурсное и возрождать его. Столько таких «возрождений» знала наша несчастная профессия?

Чаемые сегодня изменения, хорошо обозначенные в тексте К. Лидина, кажется, не вполне совпадают со служебными задачами и должностными обязанностями каких-либо властных структур, включая Министерство культуры. И это обстоятельство внушает сдержанный оптимизм: пока там придут к необходимости вменения соответствующих стратегий, эти стратегии можно успеть

> Ги Дебор. Схемы психогеографической деконструкции Парижа

подготовить. Вопрос, «как это сделать», стоит перед профессией. Но вопрос совсем не прост и, хуже того, не является собственно профессиональным: как только заканчиваются разговоры о среде, исторических ценностях и памяти места, о социально-культурной ткани городов и пр., начинается, как правило, эксплуатация все того же типа модернистского мышления, пусть и несколько побитого прошедшими волнами властной смены «норм». Нам не мешало бы спросить себя: насколько мы готовы к выходу за привычные рамки, что для этого имеем и что необходимо еще сделать?

Профессия наша массивна и, в хорошем смысле, инертна; для нее, кажется, перестали быть интересны авантюры, от кого бы они ни исходили. Но в профессиональной (или околопрофессиональной [1]) рефлексии все более укрепляется настрой на заботу о реальности (в отличие от интереса к действительности своих собственных идей), на диалог с ней. Реальность же несколько десятилетий задается трендом, идущим «снизу» – от городского активизма, культурно-охранительных сообществ, экологических, краеведческих движений и других носителей живого средового чувства, памяти и ценностей. Все это – как по формам организации, так и по хранимому и транслируемому содержанию, – не отчуждаемо, но переводится не то что в приказы и распоряжения, но зачастую и просто в объективное знание. Проникнуться таким содержанием, осознать его значимость и ценность можно только «киснутри», свободно. Но даже и проникнувшись, не обретишь сразу же новых средств и методов работы, необходимых знаний и навыков. Значит, нам надо обсуждать возможности требуемых изменений с точки зрения саморазвития профессии или, исходя из принципа диверсификации, – самоорганизации хотя бы какой-то ее части.

Знание

Сегодня в профессии доминирует отнюдь не процесс развития, но процессы функционирования и производства. В самом деле, цена увлечения этими процессами высока; в ситуации тотального культурного (образожизненного, экзистенциального, смыслового, семиотического – какого угодно!) палимпсеста они не даются без

утрат *par excellence*. Неизбежность утрат предполагает – требует – постоянного и непрекращающегося диалога с обществом, с его активными «нервными узлами» по вопросам приоритета и выбора, т. е. постоянно возобновляемой навигации в меняющемся аксиологическом поле, которое представляют собой города и среды. Такой диалог должен был бы стать фундаментальным процессом в архитектурной деятельности, отодвинув иные; прежде всего – производство проектно-сметной документации (не путать с проектированием!). И, можно надеяться, когда-то еще станет. Но сегодня торможение идет едва ли не по всем фронтам. Прежде всего, по причине отсутствия налаженных операциональных форм социально и культурно открытого действа: ведь оно не обеспечивается ни черчением или моделированием, ни культом творчества, ни преобладающими кастовыми привычками. Архитекторы, эта «секта криводушных людей, исповедующих культ лукавства», как выразился Луис Салливан, все еще явно тяготеют к обособлению и изоляции. 60 – 70-е годы XX века как-то всколыхнули эту массу, проявились искренние устремления к открытости. Видимо, социально-политический контекст, а не внутренние процессы и брожения в данном случае является решающим. Сегодня в России не видно сил, способных выдвинуть резкие претензии к профессии (а не к отдельным проектным решениям); скорее, напротив – относительно редкие стычки по поводу одиозных проектов лишь оттеняют «архитектуру» в целом как что-то загадочное, большое и мало понятное населению. Да и мало нужное в повседневной жизни. Для обобщений нужны понятия, а когда критико-теоретическая писательская активность редуцирована (судя по всему – сознательно) до рекламной, то взяться им неоткуда. Становление гражданского общества, в котором, как часто утверждают, будет востребована модель деятельности несравненно более социально-ориентированной и социально-политически открытой, у нас, похоже, откладывается. Но ведь и на Западе (насколько можно судить) архитектура комьюнити начинает страдать догматизмом, шаблонностью, сервилистической пустотой и бессодержательностью. Это, собственно, уже и не архитектура, поскольку там оказалось выхолощено все, следующее из многовековой

^ Михаил Дашевский. Московский палимпсест, фотографии с двойной экспозицией. «Ни памятники культуры (в их материальном выражении), ни элементы традиционной бытовой или психологической культуры (при нынешней ориентации средств массовой информации на процесс модернизации), ни актуально проживаемые ценностные структуры образа жизни, изменяющиеся под воздействием интенсивного потока социальных и коммуникационных инноваций, сегодня не имеют шансов на выживание или возрождение без большого объема исследовательской, проектной и социально-коммуникационной работы» (О. И. Генисаретский [7])

традиции творчества и интеллектуальной автономии. Все используется не по праву, а по привычке (таковы, например, симулякры древних композиционных принципов и форм – клоны символов отнюдь не демократических по природе и отнюдь не жизнелюбивых эпох). Умиления по поводу архитектуры комьюнити становятся сегодня все более востребованными, но ведь угроз архитектуре там не меньше, чем угроз от дизайнера, о которых неустанно и справедливо напоминает А. Г. Раппапорт. У всякой технологии есть свои пределы и оборотная сторона; задачи же сохранения разнообразия и поддержания насыщенности, осмысленности упомянутого «поля» требуют сосуществования многих разных знаний и технологий – не только традиционных и не только инновационных, но тех и других, и еще многих существующих «между» ними как мыслимыми полюсами. И у каждой «единицы» или «зерна» на этом поле есть свой контекст, свои нормы и правила (что, заметим, делает вероятным возрождение и обновление концепта стиля), нарушение которых приводит к неконтролируемому разрушению смысла. В итоге можно получить не поле цветов, но помойку гниющих остатков различной этиологии. Т. е. знания нужны, как и многие наработанные деятельностью умения и навыки, опыт и его рефлексия (и здесь нужна еще ревизия всего того, что содержит в себе сегодняшнее архитектуроведение). Все это надо как-то хранить, обслуживать, транслировать в конкретные ситуации деятельности, воспроизводить в образовании. И при этом не терять способности оперативно реагировать на запросы и нужды стремительно меняющейся реальности. Не раз упоминаемая концепция «тотальной эклектики» уже начинает как-то меркнуть перед масштабностью стоящих перед нами задач.

Содержание

«Профессия архитектора меняет свой смысл и содержание. Преобразующая, новаторская функция отступает на второй план. Вперед властно выдвигается функция сберегающая, сохраняющая», – пишет К. Лидин и дает краткий, но чрезвычайно привлекательный набросок контуров обновляющейся профессии. Мы хотим лишь поддержать и немного развить этот набросок.

Идеология преобразования мира, утверждения нового и небывалого, а вместе с тем и технология внедрения

преобразовательных идей в жизнь и головы консервативных сограждан составили, как известно, целую эпоху эволюции архитектурной деятельности. Помимо прочего, эту эпоху с архитектурой разделили и ее новорожденные родственники – градостроительство (урбанизм) и дизайн. Они рождены были как раз этой интенцией – преобразовательным окаянством разума, начавшего считать, что ему подвластно и создание новых форм, и выход за границы древних прототипов, и преодоление «косности» традиций и ремесла. Архитектура – лишь одна из сфер человеческой деятельности, захваченная этой интенцией, медленно, как спираль барочной волюты, развертывавшейся в истории Нового времени и больно ударившей своим «концом» – модернизмом. Наша статья посвящена не истории и не критике модернизма; об этом написано и сказано очень много. Нам достаточно здесь указать на моральное исчерпание указанного умонастроения, и, разумеется, на его социальный, экологический, культурный и пр. крах.

Однако крах крахом, а ситуация автоматически, сама собою, не меняется; очень многое в нашей деятельности принадлежит эпохе, которую хотелось бы закрыть, как прочитанный роман – местами увлекательный, местами нудный, безусловно – драматичный, часто страшный, но в целом довольно лживый. Ведь не получилось практически ничего из обещанного и ожидаемого: формобразование (Gestaltung) так и не стало полноценной креативной практикой, поскольку фатально разошлось со смыслом и значением творимого; единство духа времени (Zeitgeist), выраженного в окружающем новом бравом мире, равно как и целостность самого мира и формирующих его искусств (Gesamtkunstwerk) достигнуто не было. Сами термины, обозначавшие цели «рационалистической» экспансии традиционного мира, обросли нехорошими ассоциациями, стали звучать пугающе, хотя и поистрепались.

Между тем, архитектура в вихрях этих бурных приключений успела стать профессией (хоть до сих пор и не вполне), а профессионализируясь (т. е. получая опору на «объективное знание», поставляемое наукой, но в большей степени – опираясь на собственный сциентизм, создавая институты массового воспроизводства, выстраивая

профессиональные оргструктуры и пр.), освоила весьма своеобразную конфигурацию своего, теперь основного, метода – проектирования. Вот с ним-то и проблемы.

Можно было бы сказать, что обсуждаемой нами конверсии подлежит не собственно архитектура, всегда (до своего альянса с новым методом) умевшая отвечать на зов Места, быть охранительницей традиций и ценностей, защитницей экзистенций, местоблустительницей подлинного бытия и самого Царствия Небесного. Архитектура должна была, как мы хотим, лишь вернуться к своим забытым умениям, вернуть себе хотя бы часть былой мощи – генуинной, а не заимствованной и не наведенной. Конверсии – радикальному переосмыслению, а то и смене самой парадигмы – подлежит не она, но ее... проектирование.

Именно с проектированием связана преобразовательная интенция, о которой сказано выше. Оно есть инструмент так называемого «полагающего мышления» – того самого, которое не только закладывает в мир идеи и принципы, но умеет уже строить миры, соответствующие своим идеям и принципам, артифицируя (обыскуствляя) мир человеческого обитания, делая его все менее подлинным, проводя в мир забвение бытия. Оно сблизняет на поиск небывалого, манит авторское тщеславие, неведомое традиционному архитектору, провоцирует на нарушения и трансгрессии, несомненно, креативные. Оно, а вовсе не архитектурное умение и мастерство, оседлало утопию и сумело распространить свои осуществленные грезы на бесконечные ландшафты планеты. Можно продолжать, но здесь нас интересуют не пороки известного проектирования, не морок его теорий и даже не его критика и границы [2], но его возможная судьба в происходящих тектонических сдвигах архитектурного профессионализма.

Архитектурная профессия, повторим, слишком глубоко укоренена в культуре артифицирующего мышления, слишком долго делала ставку на искусственное, чтобы вмиг поменяться и начать вновь служить традиционным ценностям и стратегиям их неспешного и умудренного сбережения, культивирования мест и ландшафтов обитания. Но есть и ресурсы для желаемой конверсии, и, кажется, немалые.

Если Проектирование остается технологией искусственного *par excellence*, то Архитектура, если отделить ее имманентные техники от проектной идеологии, хорошо управляет процессом оестествления – обратным артификации, связанным с вхождением артефактов в повседневность, обживанием их, привыканием к ним. И это не только пресловутый плющ, которым незадачливый архитектор может скрыть свои ошибки. Не все в архитектуре подверглось проективизации (дизайнированию); до сих пор сохранились традиционные методы и средства работы, еще теплятся где-то в глубине памяти и преданий техники созидания мест, общения с *Genius Loci* (проектированию же они чужды: проблема места в проектировании возникает сегодня впервые, на что точно указал А. Г. Раппапорт [3]). Управление оестествлением могло бы стать новым базовым методом в обновляющейся архитектурной профессии, если бы удалось решить проблему проектирования – не только выстроить культурные и деятельностные нормы для проектной инноватики, но и сформировать новую историческую парадигму.

Такая новая парадигма архитектурного проектирования в своих общих контурах уже начинает проявляться. Она будет:

- гибкая, вариативная, гетерархичная, если угодно – «инклюзивная» (оммаж Роберту Вентури);
- «гуманитарная» по типу знания (существующая парадигма проектирования принадлежит преимущественно естественнонаучному и инженерно-техническому типам знания и мышления);

- дружественная архитектурному сознанию по характеру и духу, интенциям и коннотациям (существующая парадигма враждебна им; феномен «архитектурного проектирования» существует сегодня за счет симбиоза своих составляющих, но не слияния их. Привычка не замечать это должна быть отнесена к чудесам нашей адаптивной способности);

- ценностно-смысловая: она должна принадлежать ценностному, но не целевому типу рационализма, быть ориентированной на смыслопорождение и открытость к плодотворным интерпретациям, в т. ч. мифопоэтическим;

- свободна от характерной для существующей парадигмы зависимости от предметных идеализаций, особенно заимствованных из сопредельных сфер знания;

- ориентирована на индивидуацию мест, ландшафтов, сред, обитателей, вместе с тем призвана обеспечивать средовую идентичность, порождающую индивидуальные резонансы с разнообразными средами;

- «технически» более широкой и, возможно, даже более операциональной, чем существующая парадигма. Она будет в состоянии преодолеть ряд характерных затруднений: визионерский утопизм; «финализм» (отнесенность проектируемого содержания к конечному моменту времени); репрезентативность (свойство предъявлять одно через другое, вводя в заблуждение, зачастую сознательно); отождествление с моделированием (методом, ответственным за подавляющую массу нереалистичных идеализаций и редуций в известном сегодня проектировании); абстрактную безадресность, воспитываемую композиционной пропедевтикой, и т. д.

Список можно продолжить, но для целей нашей статьи вполне достаточно и сказанного. Описанное – задача не одного десятилетия, что совсем немного: ведь существующая парадигма проектирования, которой теперь приходится противопоставлять новые исследования и разработки, формировалась не менее полутысяч лет, со времен Альберти и первых репрезентативных чертежей, обслуживающих точностью своего дискурса выражение и трансляцию индивидуального авторского замысла. Исследования и разработки, эксперименты и инициативы требуются весьма разнообразные и масштабные; их программу не изложить в небольшой статье. Но обсуждаемый нами, с удачной подачи К. Лидина, сдвиг объективен, он реально, хотя и медленно происходит, властное требование времени услышано, и работы уже идут.

Профессия

Тезис о том, что профессия, эта временная и преходящая форма организации деятельности, себя исчерпала (и не только в архитектуре) звучит уже почти полвека. Профессия трещит по швам, но держится. Сколько еще продержится – неизвестно, как неизвестно и то, что закончится быстрее: ресурсы разнообразия и развития на планете или стойкость известной нам, «исторически случайной» (М. К. Мамардашвили) конфигурации архитектурно-градостроительного профессионализма. В любом случае мы обязаны уже сегодня обсуждать возможности и задачи того, что идет на смену этой конфигурации.

В разлетающейся вселенной архитектуры становится необходима широкая гамма различных разработок, прежде всего – специфических экспликаций исторического теоретического опыта, тренда его проблем и т. п. Одной из значимых, решающих задач уже сегодня является сохранение традиции архитектурного мышления во всех его формах. Поскольку заранее предвидеть возможный спрос на знание невозможно и не нужно, весь интеллектуальный потенциал должен сохраняться во всей возможной полноте. А это – очень сложная задача. В частности, можно предположить появление новой специальности, которую условно можно назвать «ар-

хитектурный архивариус» (архи-архивариус). И это не бюрократическая позиция в деятельности, а весьма креативная, методологически фундированная и, возможно, более ответственная, нежели позиция проектировщика. Этим потребность в новых специализациях не исчерпывается. Известно, что уже сегодня в США развернуто образование по 500 (пятистам!) специальностям и специализациям в области архитектуры. Растет популярность архитектурного образования как т. н. «гражданского образования» – без центрации на работе выпускника архитектором, и уж тем более без центрации на идее производства и проектно-строительного функционирования. О профессии и профессионализме там речи уже нет и в помине. Во Франции и других странах существенно сокращается ареал работ, где необходимо лицензирование архитектурного труда. То же самое происходит и в России. Эти события и тенденции неоднозначны, но в любом случае они – свидетельство не только распада монолита деятельности и утраты ею монополии, но и проникновения архитектуры и архитектурного мышления (как и различных видов проектности) в самые мелкие «поры» общественной жизни и практики. В этих условиях тотальной диверсификации возможно и необходимо переосмысление модернистской парадигмы проектирования как чего-то сугубо специального, решительно обращенного к будущему, форсированно-креативного, революционного и агрессивного по природе своей.

Кстати, проблема конверсии проектирования (напомним: мы говорим об архитектурном проектировании, оставляя в стороне геополитическое стратегирование и подобные ему масштабные практики), видимо, не стоит перед Востоком (Китаем в частности) в силу отсутствия предмета (здесь можно сослаться на живые впечатления и методологический анализ М. Мееровича [4]), а вот проблема архивации и сохранения полноты деятельностного опыта, равно как и сохранения традиционных ценностей (от их, например, «сувениризации») стоит, да еще как! И проблема эта не может быть решена без значительной доли воображения.

Город, городская среда как палимпсест – сюжет не новый. От римских планов до ситуационистов, от «Collage City» [5] до мистификаций Леона Крие этот сюжет получил многообразные интерпретации. Однако преобладают в этих интерпретациях мотивы эстетизации сложности и противоречий, наложений, многослойности, неожиданных столкновений, и практически отсутствует проблематика выбора, в которой нет уже эстетствующего автора и нет отстраненного созерцателя. Выбор связан с утратой иного – того, не в пользу чего он сделан, и, ускользая от рефлексивного контроля, оставаясь в руках ограниченной касты «решал», непрерывная цепочка актов выбора неизбежно ведет к торжеству тождественности. Все это мы уже проходили. Оттого и умиляемся коллажам и палимпсестам, что для повседневной практики они остаются не более чем метафорами. Нам трудно признать, что обретение способности работы со средовыми палимпсестами требует кардинального пересмотра всей структуры и содержания профессии. Мы все еще предпочитаем эстетский взгляд на вещи, считаем всякую проблему вопросом, способным уютно разместиться в нашем дерефлексивном вокабулярии. Задача сохранения и приумножения, а также и возвращения местам обитания индивидуальности, жизненности и многообразия ставит перед профессией, ее теорией и практикой, образованием и переподготовкой, оргструктурами и управлением совершенно новый класс вызовов. Прислушайтесь ли их архитектурная профессия? Или же, как это случилось со «средовым подходом», в очередной раз сведет все к формальным имитациям?

Если конверсия включает в себя и обращение, то в случае с архитектурным проектированием мы можем квалифицировать происходящие изменения как обращение не вспять, но к подлинному, к глубинному в его полной достоинства устойчивости на изменчивом виртуальном поле современной культуры. Так что речь, будем надеяться, идет все же не о стилистических играх. Да и объектом их уже не является морфология города, его фрагментов, и прочих, сводимых к формальным преобразованиям и привычных «объектов» (ср.: [6]). Конверсия, обсуждаемая нами, – фундаментальная, даже онтологическая. Она намного превосходит границы сегодняшней архитектурной профессии; она предполагает смену взгляда на всю культурную реальность, а не только на задачи защиты избранных «...ценностей культуры, поставленных на износ» в инновационных версиях проектирования; на возрождение, спасение погребенных ранее структур сознания и культуры» [7]. При нынешних темпах ускорения быстрого действия «инновационных версий» проектирования и строительства погребенной может оказаться вся культурная реальность, вся она уже требует для своего выживания «неинновационных» версий проектной работы. Они вовсе не обязаны непременно страдать мизономизмом и пассеизмом, но обязаны знать свои границы – границы энтузиазма и воли, пространственных и темпоральных масштабов [8; 9]. Ведь конверсия, напомним, это не перевод на другие рельсы, не тотальная и единая, централизованная и плановая перестройка; конверсия – дело многих локальных инициатив. Ее ростки прорастают изнутри, нащупывая пути между глыб привычных методов и форм мышления и действия. Пусть такие ростки еще довольно слабы, но их время настало.

Литература

1. Капустин П. В. О типах профессионализма в архитектурном образовании // Проект Байкал / Project Baikal, 2017. – № 53. – С. 50–53
2. Рappaport А. Г. Границы проектирования [Электронный ресурс] // Вопросы методологии, 1991. – № 1. <http://www.archi.ru3>. Рappaport А. Г. Открытость или неисчерпаемость [Электронный ресурс] // Башня и лабиринт: блог А. Г. Рappaporta. http://papardes.blogspot.ru/2010/08/blog-post_9239.html
4. Меерович М. Китай изнутри: фрагменты дневника // Проект Байкал / Project Baikal, 2017. – № 54. – С. 94–104
5. Rowe С., Koetter F. Collage City. – MIT Press, 1983. – 185 p.
6. Капустин П. В. Миметический дизайн [Электронный ресурс] // Архитектура и строительство России, 2017. – № 4 (224). – С. 114–115. <http://www.asrmag.ru/4-2017/Tesaurus-ilovepdf-compressed.pdf>
7. Генисаретский О. И. Поворот в культурно-экологическом дискурсе: от экологической метафоры культуры – к креативной антропологии и автопозису // [Электронный ресурс] // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. – Вып. 8. – М., 2001. <http://prometa.ru/olegen/publications/46/print>
8. Капустин П. В. Масштаб и проектирование: от мёрности к смыслу [Электронный ресурс] // Архитектурные исследования : Научный журнал. – Воронеж : Воронежский ГАСУ, 2016. – № 3 (7). – С. 33–41. <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20№3-7.pdf>
9. Капустин П. В. Масштаб и проектирование: от зримости к оценке [Электронный ресурс] // Архитектурные исследования : Научный журнал. – Воронеж : ВГТУ, 2016. – № 4 (8). – С. 4–14. <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20№4-8.pdf>

References

- Genisaretsky, O. I. (2001). Povорот v kulturno-ekologicheskom diskurse: ot ekologicheskoi metafory kultury – k kreativnoi antropologii i avtopoezisu [A turn to cultural and environmental discourse: from an environmental metaphor of culture to creative anthropology and autopoiesis]. Etnometodologiya: problem, podkhody, kontseptsiy, 8.

Moscow. Retrieved from <http://prometa.ru/olegen/publications/46/print>

Kapustin, P. V. (2016a). Masshtab i proektirovaniye: ot mernosti k smyslu [The scale and design: from dimensionality to the meaning]. Arkhitekturnye issledovaniya, 3(7), 33-41. Voronezh: Voronezhskiy GASU. Retrieved from <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20№3-7.pdf>

Kapustin, P. V. (2016b). Masshtab i proektirovaniye: ot zrimosti k otsenke [The scale and design: from visibility to estimation]. Arkhitekturnye issledovaniya, 4(8), 4-14. Voronezh: VGTU. Retrieved from <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20№4-8.pdf>

Kapustin, P. V. (2017a). Mimetic design. Arkhitektura i stroitelstvo Rossii [Architecture and Construction of Russia], 4 (224), 114-115. Retrieved from <http://www.asrmag.ru/4-2017/Tesaurus-ilovepdf-compressed.pdf>

Kapustin, P. (2017b). The Types of Professionalism in Architectural Education. project baikal, 14(53), 50-53. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.53.1211>

Meerovich, M. (2017). Inside China: fragments of the diary. Project Baikal, 14 (54), 94-104.

Rappaport, A. G. (1991). Granitsy proektirovaniya [Boundaries of design]. Voprosy metodologii, 1. Retrieved from <http://www.archi.ru/lib/publication.html>

Rappaport, A. G. (2010, August 12). Otkrytosť ili neisчерpaemost' [Openness or inexhaustibility]. Bashnya i labirint. Retrieved from http://papardes.blogspot.ru/2010/08/blog-post_9239.html

Rowe, С., & Koetter, F. (1983). Collage City. MIT Press.